

— Смотрю твоё чувство юмора совсем не изменилось, — с ядовитым злорадством в голосе вдруг сказала Тайи.

— Я его тренирую.

— Бьёшься головой о стену?

— И такое тоже бывает, да... — кивнул Фан Линь, продолжая улыбаться, но взгляд всё же отвёл. Тайи сжала свои губки и тоже сперва перевела глаза на землю, — но потом в девочке как будто что-то вспыхнуло, и она внимательно уставилась на мужчину. Спросила его:

— Зачем ты пришёл?

Фан Линь сразу снова поднял голову и ответил:

— Мне нужна помощь.

— Признал наконец? Дать номер моего терапевта?

— Очень смешная шутка. В моём стиле.

— ...Ха... — девочка устало выдохнула.

— Ладно, рассказывай, что тебе нужно.

— История долгая, можно мне присесть куда?

— Стул только один.

— ...Как бедно живём, — кивнул Фан Линь. Он помолчал некоторое время, собираясь с мыслями, и принялся за свой рассказ. Мужчина разумеется рассказал всю правду. Он поведал о своих тяжких учительских буднях, о своей работе, которую выполнял с большим усердием, и о том, как однажды перед ним предстала чрезвычайно жалкая девочка-беглянка. Она взмолилась, чтобы он стал её Мастером, и мужчина, заметив её талант и стойкий характер, а также бедственное положение, согласился; но затем явился таинственный враг, который хотел убить новоявленную ученицу, а потом заодно пожаловала и собственная её семья, которая возжелала убить Мастера... Пара оказалась между молотом и наковальней, и они бежали, бежали, что есть мочи...

— И поджавши хвост, — сказал Фан Линь. Тайи слушала его рассказ, подпирая своё личико рукой и немного щурясь, — Мая смущённо улыбалась и косилась в землю, как будто это она, а не мужчина, врала в три короба. А Фан Линь говорил:

— Ну вот я и решил на время залечь на дно...

— Бутылки? — уныло прыснула Тайи.

— Нет, у сама знаешь кого.

Девочка призадумалась и слегка кивнула. Она действительно знала, где именно собирался прятаться мужчина. И у кого.

— Я тебе зачем? Больше никому тебе помочь? — спросила Тайи.

— Тебе я доверяю больше всех, — ответил мужчина и спрятал руки в карманы.

Тогда девочка замолчала, и молчала она долго. Она опустила взгляд на серебристый пол и нахмурила брови. Прошло несколько секунд тишины; вдруг лицо Тайи сделалось мрачным, а на губах её почему-то мельнула улыбка. Одновременно злая улыбка и как будто даже самой девочке неприятная:

— Ты врёшь...

- ...Ну да, я мог кое-где приукрасить, но...

— Нет, ты врёшь. — повторила Тайи, шевеля только губами и не поднимая взгляда.

Фан Линь умолк.

— Ты пришёл к мне не из-за доверия... Но потому что тебе стыдно просить помощи у других. Тебе стыдно унижаться перед ними. Тебе стыдно их беспокоить... Я знаю тебя. Если ты это сделаешь, это оскорбит твою гордость, а я? — её белые зубки сверкнули.

— А я что? Я твоя вещь. Передо мной тебе не стыдно, потому что ты... Для тебя я никогда не была ничем больше... Знаешь... Пошёл прочь.

— ...Я

— Вон! — вдруг девочка вспыхнула и заскрипела зубами.

Фан Линь замолчал. Он глубоко вдохнул и развернулся. Тут выступила Мая, она хотела что-то сказать, но мужчина остановил её, взял за плечо и вместе они пошли на выход. Серебристая дверь пропустила пару и закрылась; девочка с гладкими, бронзово-золотистыми волосами осталась совершенно одна в округлой комнате. Она сидела неподвижно на стуле, пока к ней, совершенно беззвучно, не вошла Нин Юэ.

— Они стоят у входа. Мне их проводить?..— спросила она немного потерянным голосом.

Тайи ответила с запозданием:

— Да... Пусть он проваливает.

— ...Как скажешь, — нежно кивнула девушка и пошла в коридор.

А там, за серебристой дверцей на узком трапе стоял Фан Линь. Руки его были в карманах, а взгляд устремлён в горизонт над тёплым морем, над которым уже заходило круглое и всё ещё золотистое солнце — на водной ряби играли его блики.

Мая стояла возле мужчины, очень тихо, и старалась на него не смотреть — она тоже поглядывала то в морскую даль, то на свои ноги. Вскоре серебристая дверь открылась и вышла девушка в костюме. Она сказала сухим, но и нежным, как песочек, голосом:

— Прошу вас уйти.

— Валю, валю, — ответил Фан Линь и побрёл на пляж. Мая потянулась за ним; они прошли место съёмки, потом ещё немного, и уже вскоре пара шагала по полосе вязкого белого песочка, обрамлённой с одной стороны морем, наряжённым в золотистые цепочки, а с другой — умеренно высоким меловым каменным склоном.

Мая, нежно ступая сандалиями по пляжу, рассматривала белые ракушки; но вдруг девочка заметила что-то и остановилась. Она увидела небольшой вырытый и наполненный водой пруд, в котором лежала, сжимая щупальца, миниатюрная осьминожка.

— Дети выкопали и засунули, — сказал, заметив её взгляд, Фан Линь. Мая кивнула и подошла к пруду. Девочка постояла возле осьминожки, наклонилась и осторожно взялась за животное, которое сразу стало заплетаться вокруг её рук; девочка быстрыми шажками понесла его к морю. Мая зашла в воду и отпустила осьминожку, которую сразу увлекла нежная и тёплая волна.

Потом девочка ещё некоторое время стояла посреди воды. Она прополоскала ноги и, утопая в мокром песочке, вышла на берег. Девочка повернулась к Фан Линю и легонько ему улыбнулась.

Мужчина всё это время следил за ней с каменным выражением лица. Наконец он закинул голову, взгляделся в небеса и сделал глубокий вдох.

— ...Ладно, так и быть. Слушай история.

Фан Линь присел на песок и завёл свой рассказ.

Случилось это двадцать лет назад... Хотя нет, случилось это тридцать лет назад, когда он лишился своей культивации и стал простым смертным. Первое время Фан Линь не отчаивался. Нет, он боролся. Он боролся и верил, что всё ещё можно исправить. Что он найдёт выход, ведь он гений, а как это гений может не найти выход? Он пробовал все возможные средства, читал древние трактаты, обращался к самым могущественным существам всего мира... Он шёл на любые меры, он не желал предаваться отчаянию. Это был его период надежды, и длился он целых десять лет... Но ни одно пламя не может гореть вечно.

В какой-то момент Фан Линь зачах. Поселился на своей родной свалке, — ибо счёл это закономерным, — и занялся самобичеванием. Саморазложением. Он много пил, пил не просыхая. Он буянил и рисковал своей жизнью творя всевозможные глупости. Однажды он напился и то ли случайно, то ли следуя бессознательной воле, заснул прямо на проезжей части.

Когда он проснулся, за ногу его тащила, скалясь, юная девочка с бронзово-золотистыми волосами. Тайи всегда была с ним, она осталась с ним, даже когда все остальные от него отвернулись. Она сохраняла веру дольше даже его самого... Но мужчина воспринимал это как данность. Ведь она же броня, просто вещь, думал он на пьяную голову. Разумеется, она его не оставит. Ведь куда она тогда пойдёт? Никуда, ей некуда идти, — повторял он про себя, пока она укладывала его в кровать...

Но однажды даже эта иллюзия для него рухнула. Однажды он обнаружил письма Тайи. Однажды он узнал, что она хочет уйти от него, сделать карьеру. И какую! Карьеру актрисы. Когда мужчина это узнал, когда он понял, что его хотя бросить, она хочет его бросить, как и все остальные, половину из которых он прогнал сам... Он, пьяный и отчаянный, взбесился. Он разорвал все её письма и журналы, сжёг платья, которые она покупала себе тайно, а потом долго, долго орал на неё, что она просто вещь, что вещи принято класть в курган после смерти владельца, что он заберёт её вместе с собой в могилу...

— Я вёл себя как полный урод, — рассказывал Фан Линь. — А она меня слушала, слушала, а потом развернулась и ушла...

Мужчина замолчал и опустил голову. А потом, уже закончив свой рассказ, он уже только для себя вспомнил ещё одну, последнюю деталь.

Когда дверь захлопнулась, а он лежал пьяный и красный на земле, после своей тирады, он услышал за порогом тихий, тихий плач...

Мужчина вздохнул, повесил голову и сказал:

— Как же хочется треснуть себя головой об стену...

<http://tl.rulate.ru/book/52126/1381437>